

Алессандро Манцони

ОБРУЧЕННЫЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
М 23

Перевод с итальянского
под редакцией Нины Георгиевской и Абрама Эфроса

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Франческо Гонина

Мандзони А.

М 23 Обрученные : роман / Алессандро Мандзони ; пер. с ит. ; под ред. Н. Георгиевской и А. Эфроса. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 768 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28109-7

Под щедрым солнцем Ломбардии расцветает любовь юной пары — Ренцо и Лючии. Уже назначен день свадьбы, но, на свою беду, девушка приглянулась знатному кавалеру, дону Родриго. Запуганный самоуправным феодалом деревенский падре начинает колить, отказываясь венчать обрученных. Стремление влюбленных жить в законном браке вопреки абсурдным возражениям падре приводит к череде событий, которые начинаются в стиле комедии дель арте и разворачиваются на фоне масштабной исторической панорамы итальянской жизни семнадцатого века со всеми ее потрясениями, включая войну, чуму и голод.

Роман Алессандро Мандзони по праву считается не только бессмертной классикой итальянской литературы и базовым произведением в становлении современного итальянского языка, но и символом Рисорджименто — национального движения за освобождение Италии от иноземного владычества. Однако главное достоинство этого яркого, насыщенного сюжетными линиями и персонажами повествования в убедительном торжестве простой и чистой любви, которую не могут затоптать даже всадники Апокалипсиса.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-28109-7

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ВВЕДЕНИЕ

История может, поистине, быть определена как славная война со Временем, ибо, отбирая у него из рук годы, взятые им в плен и даже успевшие стать трупами, она возвращает их к жизни, делает им смотр и заново строит к бою. Но славные Бойцы, пожинающие на этом Поприще обильные жатвы Пальм и Лавров, похищают лишь наиболее роскошную и блестящую добычу, превознося благоуханием своих чернил Подви-

ги Государей и Властителей, а также и выдающихся Особ, и навивая тончайшею иглою своего ума золотые и шелковые нити, из которых образуется нескончаемый узор достославных Деяний. Однако ничтожеству моему не подобает подниматься до таких предметов и до столь опасных высот, равно как пускаться в Лабиринты Политических козней и внимать воинственному громаханию Меди; наоборот, ознакомившись с достопамятными происшествиями, хотя они и приключились с людьми хуродородными и незначительными, я собираюсь оставить о них память Потомкам, сделав обо всем откровенное и достоверное Повествование или, точнее, — Сообщение. В нем, на тесном Театре, предстанут горестные Трагедии ужасов и Сцены неслыханного злодейства, перемежаемые доблестными Деяниями и ангельской добротой, которые противостоят дьявольским ухищрениям. И действительно,

*принимая во внимание, что эти наши страны находятся под вла-
дичеством Синьора нашего, Короля Католического, который есть
Солнце, никогда не заходящее, а над ним отраженным Светом,
подобно Луне, никогда не убывающей, сияет Герой благородного
Семени, временно правящий вместо него, равно как Блистатель-
нейшие Сенаторы, неизменные Светила, — и прочие Уважаемые
Магистраты, — блуждающие планеты, проливают свет свой
повсеместно, образуя тем самым благороднейшее Небо, нельзя —
при виде превращения его в ад кромешных деяний, коварства
и свирепостей, во множестве творимых дерзкими людьми, — ви-
деть тому какую-либо иную причину, кроме ухищрений и козней
дьявольских, поскольку одного человеческого коварства не хва-
тило бы для сопротивления такому количеству Героев, которые,
с очами Аргуса и руками Бриаря, отдают жизнь свою на общее
благо. А посему, рассказывая о событиях, происшедших во вре-
мена цветущего моего возраста, и хотя большинство лиц, дейст-
вующих в них, уже исчезли с Арены жизни и сделались данниками
Парок, я тем не менее, в силу почтительного уважения к ним, не
буду называть их имен, то есть имен родовых; равным образом
поступлю я так и с местом действия, наименование коего я не
буду обозначать. И никто не сочтет это несовершенством По-
вестования и нестройностью моего незатейливого Творения,
разве только Критик окажется лицом совершенно неискушенным
в философии, тогда как люди в ней сведущие отлично поймут,
что сущность названной Повести нисколько от этого не постра-
дала. Ведь совершенно очевидно и никем не может быть отри-
цаемо, что имена являются не более как чистейшими акциден-
циями...*

— Но когда я одолею героический труд переписывания этой истории с выцветшей и полной помарок рукописи и когда я, как это принято говорить, выпущу ее в свет, найдется ли тогда охотник одолеть труд ее прочтения?

Это размышление, наводящее на сомнение и зародившееся при работе над разбором каракуль, следовавших за акциденция-ми, заставило меня прервать переписывание и основательнее по-размыслить о том, как мне поступить.

— Совершенно верно, — говорил я самому себе, перелистывая рукопись, — совершенно верно, что такой поток словесной мишуры и риторических фигур встречается не на всем протяже-

нии этого произведения. Как настоящий сечентист, автор вначале захотел щегольнуть своею ученостью, но затем, в ходе повествования, порою на большом его протяжении, слог становится более естественным и более ровным. Да, — но как он зауражен! Как неуклюж! Как шероховат!.. Ломбардские идиомы — без числа, фразы — некстати употребленные, грамматика — произвольная, периоды — неслаженные. А далее — изысканные испанизмы, рассеянные тут и там; потом, что гораздо хуже, — в самых ужасающих и трогательных местах, при любой возможности вызвать изумление или навести читателя на размышление, — словом, во всех тех местах, где требуется некоторое количество риторики, но риторики скромной, тонкой, изящной, автор никогда не упускает случая напичкать изложение той самой своей риторикой, которая нам уже знакома по вступлению. Перемешивая с удивительной ловкостью самые противоположные свойства, он ухитряется на одной и той же странице, в одном и том же периоде, в одном и том же выражении одновременно быть и грубым, и жеманным. Не угодно ли: напыщенная декламация, испещренная грубыми грамматическими ошибками, повсюду претенциозная тяжеловатость, которая придает особый характер писаниям данного века в данной стране. Поистине, это — не такая вещь, чтобы стоило предлагать ее вниманию нынешних читателей: слишком они придирчивы, слишком отвыкли от подобного рода причуд. Хорошо еще, что правильная мысль пришла мне в голову в самом начале злополучного этого труда, — тем самым я просто умываю руки.

Однако, когда я собирался было сложить эту потрепанную тетрадь, дабы спрятать ее, мне вдруг стало жалко, что такая прекрасная повесть навсегда останется неизвестной, ибо как повесть (читатель, может быть, не разделит моего взгляда) она мне, повторяю, показалась прекрасной, и даже весьма прекрасной. «Почему бы, — подумал я, — не взять из этой рукописи всю цепь происшествий, лишь переработав ее слог?» Так как никакого разумного возражения на это не последовало, то и решение было принято немедленно. Таково происхождение этой книги, изложенное с чистосердечием, достойным самого повествования.

Однако кое-какие из этих событий, некоторые обычаи, описанные нашим автором, показались нам настолько новыми, настолько странными — чтобы не сказать больше, — что мы, пре-

жде чем им поверить, пожелали допросить других свидетелей и принялись с этой целью рыться в тогдашних мемуарах, дабы выяснить, правда ли, что в ту пору так жилось на белом свете. Такие розыски рассеяли все наши сомнения: на каждом шагу наталкивались мы на такие же и даже более удивительные случаи, и (что показалось нам особенно убедительным) мы добрались даже до некоторых личностей, относительно которых не было никаких сведений, кроме как в нашей рукописи, а потому мы усомнились было в реальности их существования. При случае мы приведем некоторые из этих свидетельств, чтобы подтвердить достоверность обстоятельств, которым, в силу их необычайности, читатель был бы склонен не поверить.

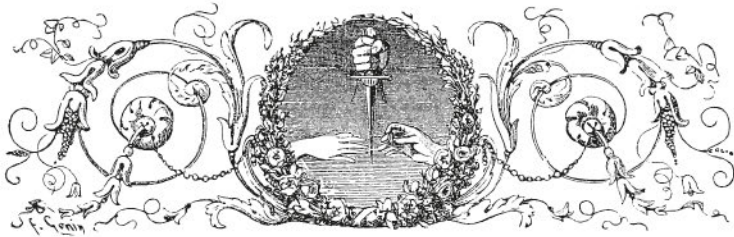
Но, отвергая слог нашего автора как неприемлемый, каким же слогом мы заменим его? В этом весь вопрос.

Всякий, кто, никем не прощенный, берется за переделку чужого труда, тем самым ставит себя перед необходимостью отчитаться в своем собственном труде и до известной степени берет на себя обязательство сделать это. Таковы правила житейские и юридические, и от них мы вовсе не собираемся уклоняться. Наоборот, охотно приноравливаясь к ним, мы собирались было дать здесь подробнейшее объяснение принятой нами манере изложения, и с этой целью на всем протяжении нашего труда мы неизменно старались предусмотреть возможные и случайные критические замечания, дабы заранее и полностью все их опровергнуть. И не в этом было бы затруднение, ибо (мы должны сказать это, воздавая должное правде) нашему уму не представилось ни одного критического замечания, без того чтобы тут же не явилось и победоносное возражение из числа тех, которые не скажу — решают вопросы, но меняют самую их постановку. Часто мы даже сталкивали две критики между собой, заставляли одну побивать другую; либо же, исследуя их до основания и внимательно сопоставляя, нам удавалось обнаружить и показать, что при всей своей кажущейся разнице они тем не менее почти однородны и обе родились из недостаточно внимательного отношения к фактам и принципам, на которых должно было основываться суждение; так сочетав их, к великому их изумлению, мы пускали обе дружески разгуливать по свету. Вряд ли нашелся бы автор, который столь очевидным способом доказал бы доброкачественность своей работы. Но что же? Когда мы пришли к воз-

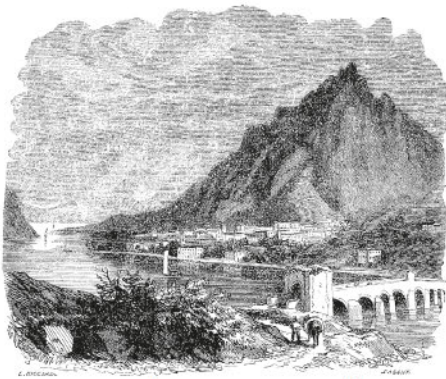
ВВЕДЕНИЕ

возможности охватить все упомянутые возражения и ответы и расположить их в известном порядке, — увы, их набралось на целую книгу. Видя это, мы отказались от начального замысла по двум соображениям, которые читатель, несомненно, сочтет основательными: одно из них — то, что книга, предназначенная оправдывать другую и даже, в сущности, слог другой книги, могла бы показаться смешной; другое — то, что на первый раз хватит и одной книги, если только вообще и сама она не лишняя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

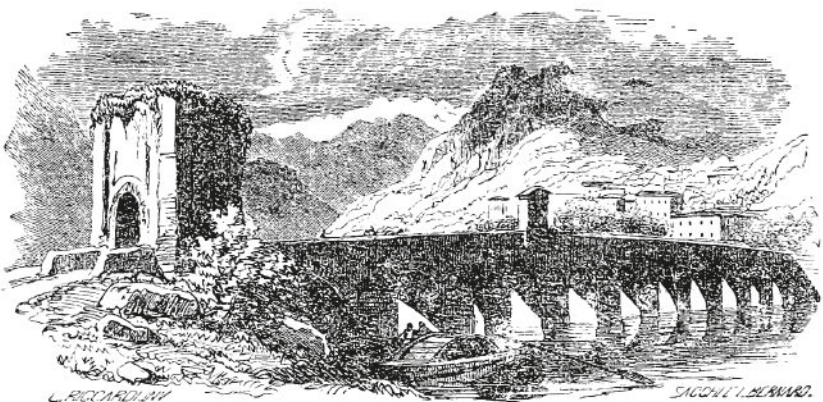

Тот рукав озера Комо, который тянется к югу между двумя непрерывными цепями гор, образующих, то выдвигаясь, то отступая, множество бухт и заливов, вдруг как-то сразу суживается, принимает вид реки и несет свои воды между высоким мысом с правой стороны и обширным низменным побережьем с левой; и мост, соединяющий в этом месте оба берега, делает это превращение еще более ощутимым для глаза, словно отмечая то место, где кончается озеро и где снова начинается Адда, дабы дальше опять превратиться в озеро там, где берега, вновь расступаясь, дают воде свободно и медленно растекаться, образуя новые заливы и новые бухты. Побережье, образованное наносами трех мощных потоков, постепенно поднимается, примыкая к двум смежным горам: одна именуется Сан-Мартино, другая на ломбардском наречии — *Резегоне* (Большая Пила), по многочисленным и вытянутым в ряд зубцам, которые придают ей сходство с пилой, так что всякий при первом же взгляде на нее (только непременно спереди — например, со стен Милана, обращенных к северу) быстро распознает ее по этому признаку в длинной и обширной цепи гор с менее известными наименованиями и менее своеобразным видом.

Берег на изрядном протяжении поднимается со слабым и непрерывным уклоном; дальше он пересекается холмами и долинами, кручами и ровными площадками, в зависимости от строения обеих гор и работы вод. Нижний край берега, прорезанный устьями потоков, представляет собою почти сплошной гравий и бульжник; а затем идут поля и виноградники с разбросанными среди них усадьбами, селениями, деревушками; кое-где — леса, взбирающиеся высоко по горам.

Лекко, главное среди этих селений, дающее имя всей местности, лежит неподалеку от моста, на берегу озера; случилось ему частично очутиться и в самом озере, когда вода в последнем прибывала. В наши дни это крупное местечко, собирающееся стать городом. В те времена, когда разыгрались события, о которых мы хотим рассказать, это местечко, уже довольно значительное, служило также и крепостью и потому имело честь быть местопребыванием коменданта и пользовалось привилегией содержать в своих стенах постоянный гарнизон испанских солдат, которые обучали местных девушек и женщин скромному поведению, время от времени гладили спину кое-кому из мужей и отцов, а к концу лета никогда не упустили случая рассеяться по виноградникам, чтобы несколько пощипать виноград и тем облегчить крестьянам тяжесть уборки.

От одной деревни к другой, с горных высот к берегу, с холма на холм вились тогда, да и поныне вьются, дороги и тропинки, более или менее крутые, а иногда и пологие; они то исчезают и углубляются, зажатые нависшими скалами, откуда, подняв

глаза, можно видеть лишь полоску неба да какую-нибудь верхушку горы, то пролегают на высоких открытых равнинах, и отсюда взор охватывает более или менее далекие пространства, всегда разнообразные и всегда чем-нибудь новые, в зависимости от более или менее широкого охвата окружающей местности с различных точек, а также и от того, как та или иная картина развертывается или замыкается, выступает вперед или исчезает совсем. Порой показывается то один, то другой кусок, а иногда и обширная гладь этого огромного и многообразного водного зеркала: тут — озеро, замкнутое на горизонте или, лучше сказать, теряющееся в нагромождении гор, а потом постепенно расширяющееся между другими горами, которые одна за другой открываются взору, отражаясь в воде в перевернутом виде со всеми прибрежными деревушками; там — рукав реки, потом озеро, потом опять река, сверкающими излучинами исчезающая в горах, которые следуют за ней, постепенно понижаясь и тоже как бы исчезающая на горизонте. И место, откуда вы созерцаете эти разнообразные картины, само по себе, куда бы вы ни глянули, является картиной: гора, по склонам которой вы совершаете путь, развертывает над вами, вокруг вас свои вершины и обрывы, четкие, рельефные, меняющиеся чуть не на каждом шагу, причем то, что сначала казалось вам сплошным горным кряжем, неожиданно распадается и выступают отдельные цепи гор, и то, что представлялось вам только что на склоне, вдруг оказывается на вершине. Приветливый, гостеприимный вид этих склонов приятно смягчает дикость и еще более оттеняет великолепие остальных видов.

По одной из этих тропинок 7 ноября 1628 года, под вечер, возвращаясь домой с прогулки, неторопливо шел дон Абондио, священник одной из вышеупомянутых деревень: ни ее название, ни фамилия данного лица не упомянуты ни здесь, ни в других местах рукописи. Священник безмятежно читал про себя молитвы; временами — между двумя псалмами — он закрывал молитвенник, закладывал страницу указательным пальцем правой руки, затем, заложив руки за спину, шел дальше, глядя в землю и отшвыривая к ограде попадавшие под ноги камешки, потом поднимал голову и, спокойно оглядевшись вокруг, устремлял взор на ту часть горы, где свет уже закатившегося солнца, прорываясь в расщелины противоположной горы, широкими и неровными красными лоскутами ложился на выступавшие скалы.

Снова раскрыв молитвенник и прочитав еще отрывок, он дошел до поворота дороги, где обычно поднимал глаза от книги и глядел вдаль, — так поступил он и на этот раз. За поворотом дорога шла прямо шагов шестьдесят, а потом ижицей разделялась на две дорожки: одна, поднимаясь в гору, вела к его усадьбе; другая спускалась в долину к потоку, с этой стороны каменная ограда была лишь по пояс прохожему. Внутренние же ограждения обеих дорожек, вместо того чтобы сомкнуться под углом, завершались часовенкой, на которой были нарисованы какие-то длинные змееобразные фигуры, заострившиеся кверху. По замыслу художника и по представлениям окрестных жителей, они означали языки пламени; с этими языками чередовались другие, уже не поддающиеся описанию фигуры, которые представляли души в чистилище, причем души и пламя были коричневого цвета на сероватом фоне облезшей там и сям штукатурки.

Повернув на дорожку и по привычке направив взор на часовенку, дон Абондио узрел нечто для себя неожиданное и что ему никак не хотелось бы видеть: двух человек, друг против друга, — так сказать, на перекрестке дорожек. Один из них сидел верхом на низкой ограде, свесив одну ногу наружу, а другой упираясь в землю; его товарищ стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Их одежда, повадка, выражение лиц, насколько можно было различить с того места, где находился дон Абондио, не оставляли сомнения насчет того, кем они были. На голове у каждого была зеленая сетка, большая кисть которой свешивалась на левое плечо, и из-под сетки выбивался на лоб огромный чуб, длинные усы закручены были шилом; к кожаному блестящему поясу была прикреплена пара пистолетов. Небольшая пороховница свешивалась на грудь наподобие ожерелья. Рукоятка кинжала торчала из кармана широчайших шароваров. Сабли с огромным резным бронзовым эфесом с замысловатыми знаками были начищены до блеска. Сразу видно было, что эти личности из породы так называемых *брави*.

Порода эта, ныне совершенно исчезнувшая, в те времена процветала в Ломбардии, и притом уже с давних пор. Для тех, кто не имеет о ней никакого понятия, приведем несколько подлинных отрывков — они дадут достаточное представление об основных особенностях этих людей, об усилиях, прилагавшихся к их изничтожению, и об упорной живучести последних.

Еще 8 апреля 1583 года славнейший превосходительнейший синьор дон Карло Арагонский, князь Капельветрано, герцог Террануовы, маркиз Аволы, граф Буржето, великий адмирал и великий коннетабль Сицилии, губернатор Милана и наместник его католического величества в Италии, *всемерно осведомленный о невыносимых тяготах, какие испытывал прежде и испытывает по сей день город Милан по причине бродяг и бравы*, издает против них указ. *Объявляет и определяет, что действие данного указа подлежат и должны почитаться бродягами и бравы... все пришлые, а равно и местные люди, не имеющие определенного занятия либо его имеющие, но ничего не делающие... но безвозмездно или хотя бы за жалованье состоящие при особе благородного звания либо при должностном лице или купце... дабы служить ему опорой и поддержкой либо, как можно предположить, дабы строить козни другим...* Всем таким лицам приказывает в шестидневный срок избавить означенную местность от своего присутствия, при этом неповинующимся грозит каторга, а всем судебным чинам предоставляются широчайшие и неогра-

ниченные полномочия для выполнения приказа. Однако 12 апреля следующего года, заметив, что град сей тем не менее переполнен означенными брави... которые вернулись к прежнему своему образу жизни, ничуть не изменили своих привычек и не убавились в числе, упомянутый синьор издает новый приказ, еще более строгий и выразительный, в котором, наряду с другими распоряжениями, предписывает: чтобы каждое лицо, как из жителей сего города, так и пришлое, каковое по указаниям двух свидетелей явно окажется и вообще признано будет за браво и так будет называться, хотя бы и не было установлено за ним никакого преступления... в силу только таковой своей репутации, без всяких иных улик, может означенными судьями, а равно каждым из них в отдельности быть подвергнуто пытке в порядке предварительного допроса... и хотя бы таковое лицо не созналось ни в каком преступлении, пусть тем не менее оно отправлено будет на каторгу — на трехлетний срок за одну только репутацию и наименование браво, как выше указано. Все это, а равно и другое, что мы опускаем, предпринималось потому, что его превосходительство полно решимости добиться повиновения от всякого.

Когда слышишь столь сильные и решительные слова такого вельможи, сопровождаемые подобными приказаниями, невольно хочется думать, что от одного грома их всякие брави согнут навсегда. Однако свидетельство другого вельможи, не менее авторитетного и не менее титулованного, заставляет нас прийти к заключению прямо противоположному. Вельможа этот — славнейший и превосходительнейший синьор Хуан Фернандес де Веласко, коннетабль Кастилии, обер-камергер его величества, герцог города Фриа и граф Гаро и Кастельнуово, синьор дома Веласко и дома Семерых инфантов Лары, губернатор государства Миланского и прочая и прочая, — 5 июня 1593 года, в свою очередь всемерно осведомившись, сколь много ущерба и разорения приносят брави и бродяги и сколь дурное действие этого рода люди оказывают на общественное благосостояние в ущерб правосудию, снова требует от них, чтобы они в шестидневный срок покинули страну, повторяя приблизительно те же предписания и угрозы своего предшественника. Затем 23 мая 1598 года, осведомившись с великим для себя неудовольствием, что... в означенном городе и в государстве количество помянутых лиц (брави и бандитов) все возрастает и днем и ночью только и слышно, что

они учиняют из засады ранения и убийства, а также хищения и всяческие другие преступления, каковым они предаются тем легче, что вполне могут положиться на поддержку своих главрей и пособников, вновь предписывает те же средства, усиливая дозировку, как это обычно делают при упорных болезнях. А посему пусть всякий остерегается нарушить в какой бы то ни было части означенный указ, иначе вместо благорасположения его превосходительства навлечет на себя его строгость и гнев... ибо его превосходительство твердо решил считать это увещание последним и окончательным.

Этого мнения не разделял, однако, славнейший и превосходительнейший вельможа, синьор дон Пьетро Энрикес де Асеведо, граф Фуэнтес, капитан и губернатор государства Миланского, — и не разделял он этого мнения по разумным основаниям. *Всемерно осведомившись о жалком положении, в каком живет помянутый город и государство по причине огромного числа избивающих в нем брави... и решив в корне истребить столь губительное племя, он издает 5 декабря 1600 года новый указ, в свою очередь наполненный строжайшими угрозами, с твердым намерением всемерного их вытолнения по всей строгости и без малейшей надежды на снисхождение.*

Приходится, однако, думать, что он взялся за это дело далеко не с тем усердием, какое прилагал к тому, чтобы затевать козни и поднимать врагов на великого своего недруга, Генриха IV; история свидетельствует, как в данной области ему удалось вооружить против этого короля герцога Савойского, которого он и привел к потере более чем одного города, как успешно он заставил вступить в заговор герцога Бирона, который поплатился своей головой; что же касается столь зловредного племени брави, то несомненно одно: они продолжали плодиться. Так было еще 22 сентября 1612 года, когда славнейший и превосходительнейший вельможа, дон Джованни де Мендоса, маркиз Инохоза, кавалер и прочая, губернатор и прочая серьезно задумал истребить их. В этих видах он отправил королевским придворным печатникам, Пандольфо и Марко Туллио Малатести, обычный указ, исправленный и расширенный, дабы они отпечатали его на предмет полного истребления брави. Но последние продолжали действовать до получения 24 декабря 1618 года тех же и еще более сильных ударов от славнейшего и превосходительнейшего вельможи, синьора дона Гомеса Суареса де Фигуэроа, герцога Ферийского и прочая, губернатора и прочая... Однако и это не сжило их со свету, а посему славнейший и превосходительнейший вельможа, синьор Гонсало Фернандес ди Кордова, в правление которого произошла прогулка дона Абондио, оказался вынужденным еще раз подновить и еще раз обнаружить обычный

указ против брави. Это было 5 октября 1627 года, то есть за год, месяц и два дня до достопамятного происшествия.

Однако и это обнаружение не было последним; но мы не считаем себя обязанными упоминать о дальнейших, ибо они по времени выходят за пределы нашей истории. Отметим лишь одно — от 13 февраля 1632 года, в котором славнейший и превосходительнейший синьор, герцог Ферийский, вторично назна-

ченный губернатором, осведомляет нас, что *страшные злодейства происходят от тех, кто именуется брави*. Это в достаточной мере подтверждает нам, что в то время, о котором идет речь, брави не переводились.

Что две вышеописанные личности стояли и ждали кого-то, было более чем очевидно; однако дону Абондио совсем не понрави-

лось, когда он по некоторым их движениям догадался, что они поджидали именно его. Ибо при его появлении они переглянулись

и подняли головы с таким видом, словно одновременно сказали друг другу: «Вот он». Сидевший верхом на ограде перекинул через нее ногу и встал на дороге, другой отделился от ограды, и оба пошли навстречу дону Абондио; а он, продолжая держать перед собой открытый молитвенник, делал вид, что читает его, сам же осторожно поднял глаза, чтобы следить за их движениями; и когда он увидел, что они идут прямо навстречу ему, тысяча соображений разом нахлынула на него. Он тут же спросил себя самого, нет ли между ним и брави какой-нибудь боковой дорожки вправо или влево, и сразу вспомнил, что нет. Он быстро перебрал в уме, не погрешил ли он в чем-либо против какого-нибудь сильного, какого-нибудь мстительного человека; но даже при всем волнении утешающий голос совести несколько успокоил его. А брави тем временем все приближались, зорко вглядываясь в него. Тогда он запустил указательный и средний пальцы за воротник, как бы оправляя его, и, обводя пальцами шею, вместе с тем повернул голову, заодно перекосив рот и стараясь хоть краешком глаза посмотреть, не идет ли кто-нибудь сзади, но никого не увидел. Он заглянул через ограду в открытое поле — никого; бросил более робкий взгляд вперед, на дорогу — никого, кроме брави. Что делать? Возвращаться назад было поздно; пуститься бежать значило бы то же, что сказать: «Ловите меня», — если не хуже. Не имея возможности уклониться от опасности, он бросился ей навстречу, ибо мгновения неизвестности стали для него так мучительны, что хотелось лишь одного — сократить их. Он ускорил шаг, погромче прочел один стих, постарался сделать возможно более спокойное и веселое лицо и приложил все усилия, чтобы приготовить улыбку; очутившись лицом к лицу с обоими молодцами, он мысленно сказал себе: «Ну, прямо в лапы», и решительно остановился.

— Синьор курато, — обратился к нему один из них, впиваясь глазами в его лицо.

— Что вам угодно? — быстро ответил дон Абондио, поднимая глаза от книги, которая так и осталась у него в руках раскрытой, словно на аналое.

— Вы намереваетесь, — подхватил другой с угрожающим и гневным видом человека, который поймал своего подчиненного при попытке совершить мошенничество, — вы намереваетесь завтра обвенчать Ренцо Трамальино с Лючией Монделлой?

— Собственно говоря... — дрожащим голосом отвечал дон Абондио, — собственно говоря, вы, синьоры, люди светские и отличнейшим образом знаете, как делаются такие дела. Бедняк курато тут ни при чем; они свои пироги сами пекут, ну, а потом... потом являются к нам так, как ходят в банк за деньгами; ну а мы — что же, мы, служители общины...

— Так вот, — сказал ему браво на ухо, однако тоном торжественного приказания, — помните — этому венчанию не бывать ни завтра, ни когда-либо.

— Но, синьоры, — возразил дон Абондио кротким и вежливым тоном человека, который желает уговорить нетерпеливого собеседника, — извольте, синьоры, влезть в мою шкуру. Если бы дело зависело от меня... но вы же отлично знаете, что мне тут ничего не перепадет...

— Ну довольно, — прервал его браво, — если бы дело решалось болтовней, вы бы нас за пояс заткнули. Мы ничего больше не знаем и знать не хотим. Предупреждение вам сделано — вы нас понимаете.

— Но ведь вы, синьоры, люди достаточно справедливые и разумные...

— И все же, — перебил на этот раз другой, до сих пор молчавший, — и все же венчание не состоится, иначе... — тут он разразился цветистой руганью, — иначе тот, кто его совершит, не успеет в этом покаяться, некогда будет... — и он снова выругался.

— Тише ты, тише, — вставил первый, — синьор курато понимает благородное обращение; мы тоже люди благородные и никакого зла ему причинять не собираемся, если он окажется благоразумным. Синьор курато! Преславный синьор дон Родриго, наш патрон, высоко чтит вас.

Имя это пронеслось в сознании дона Абондио, словно вспышка молнии в ночную непогоду, — вспышка, которая на мгновение смутно озаряет все вокруг и только усиливает ужас. Он совершенно непроизвольно отвесил низкий поклон и проговорил:

— Если бы вы мне хоть намекнули...

— Намекать тому, кто латынь знает! — бесцеремонно и зловеще расхохотался браво. — Дело ваше! Но главное, не проболтайте — ведь мы сделали это предупреждение исключительно для вашего блага, не то... хм... получитс я то же самое, как если бы вы совершили это венчание... Ну, так что же нам передать от вас синьору дону Родриго?

АЛЕССАНДРО МАНДЗОНИ

ОБРУЧЕННЫЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректор Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 10.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-37126-01-R